

УДК 94 (1920)

DOI: 10.24412/2686-9217-2020-2-31-44

Феномен врангелевского Крыма?³³

А.С. Пученков³⁴

При начале работы над своим очерком о Врангеле и его времени, автор эти строк попытался найти какое-то одно слово, которым можно было бы определить всю беспримерную крымскую эпопею 1920 года. «Надежда», «Бесстрашие», «Неудача» – все эти слова казались мне лишь дополнениями к какой-то другой, более точной, отражающей всю специфику того времени и условий, в которых проходил последний этап белой борьбы в европейской части России, дефиниции. Заранее предвидя шквал критики в свой адрес, полагаю, что определение «обреченность» позволяет понять и ту обстановку, в которой Врангель принял командование потрепанными в предыдущих боях белыми ратями, и самое главное – практически математически предопределенное их конечное поражение; или же, каламбура, – «предрешенчество», применимо к грядущему краху белых.

Были ли у белых сил в Крыму какие-то шансы добиться победы над Республикой Советов в 1920 году? Мне кажется, что в данном случае позволительно говорить о, «терміне», сиречь сроке, когда красные опрокинут белогвардейцев в море. Убежден, что сказанное выше представляет собой подступ, который позволяет выйти из историографического предполя к пониманию феномена врангелевского Крыма; думается, что не слишком далек от истины и доброволец В. В. Самборский, утверждавший, что «вся Крымская эпопея должна была

---

³³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10044)

³⁴ Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Puchenkov Alexander Sergeevich - Doctor in History, professor, St. Petersburg State University, Russian Federation, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9; ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

кончится только тем, чем она кончилась»³⁵. Предлагаемый очерк – лишь наброски тезисов к монографии о врангелевской эпопее, которая в настоящий момент готовится автором к опубликованию.

Надо сказать, что «черный барон» всегда вызывал большой интерес у историков. Чем была «врангелиада» – борьбой, обреченной на поражение; агонией белой армии³⁶; «последней судорогой русской контрреволюции»³⁷; масштабным государственным строительством на территории Крымского полуострова – без «чеки», расстрелов, экспроприаций и с продуманной аграрной политикой; наконец, мог ли «остров Крым» (вспомним знаменитый роман Василия Аксенова) выстоять в противостоянии с Советской Россией, явив миру уникальный пример государства, оторванного от метрополии? На такие вопросы можно разбить эту проблему. Учитывая недавнее воссоединение Крыма с Россией, крымская эпопея Врангеля не может не быть признана актуальным эпизодом отечественной истории – когда же о нем следует поговорить, как не в дни столетия трагического Русского Исхода, завершившего Гражданскую войну в европейской части России?

Сменивший Деникина на посту Главнокомандующего генерал Петр Николаевич Врангель находился в чрезвычайно трудном, практически безнадежном положении. Понимая, что тяжелое, едва ли не безвыходное положение армии известно и офицерам, и солдатам, Врангель все же должен был им что-то сказать. По словам Врангеля, «Войска знали, что я никогда не скрывал от них правды, и, зная это, верили мне. Я и теперь не мог сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же»³⁸. Приказ Врангеля, написанный четким, по-военному ясным слогом, произвел на армию сильное впечатление: Армия увидела, что ее вождь не скрывает от нее всей тяжести сложившегося положения. Будучи профессиональным военным, Петр Николаевич рассматривал вверенную

---

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 465. Самборский В. В. Причины крымской катастрофы. 1928. Л. 1.

³⁶ Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 178.

³⁷ Минц И. И. Врангелевщина // Красный архив. 1930. Т. 2 (31). С. 4.

³⁸ Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916 – 1920 / Биографические справки С. В. Волкова. М., 2006. С. 391.

ему территорию как осажденную крепость, для наведения порядка в которой нужна абсолютная власть. Он совместил в своем лице посты Главнокомандующего и Правителя Юга России, тем самым продемонстрировав твердую приверженность принципу диктатуры, для осуществления которой белый вождь обладал контролем лишь над крохотным полуостровом.

Провал похода на Москву привел к тому, что очень многие из белогвардейцев были убеждены в дальнейшей бесплодности борьбы. Вера в победу у армии была потеряна; новый вождь абсолютно отчетливо осознавал, что из числа первостепенных задач, стоявших перед ним, задача возвращения армии веры в победу и обретения ею, как говорили в ту пору, «сердца», иначе говоря, боевого духа – наиважнейшая.

Весной 1920 г. под контролем Врангеля находился только Крымский полуостров, а под контролем большевиков вся Россия. Свою ставку Врангель сделал на выигрыш времени: опираясь на этого надежного союзника, барон надеялся на изменение обстановки в Центральной России; Петр Николаевич лучше, чем кто бы то ни было понимал, что готовиться к новому походу на Москву – из Симферополя и Севастополя – по меньшей мере наивно и глупо. Для начала нужно здесь, в Крыму, устроить такую жизнь, которая будет предметом зависти и вождедений для тех россиян, которые остались под большевистским ярмом – в «Совдепии». Отталкиваясь от этой «печки», можно было уже начинать вести игру; армия должна была стремиться к тому, чтобы перестать выглядеть как завоевательница в глазах мирного населения; белая Россия должна выглядеть для простого обывателя привлекательнее, чем Россия красная – эти обобщения составляли суть тактики, избранной Врангелем в первые месяцы его пребывания у власти.

Врангель говорил: «я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Политику завоевания России надо оставить... Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя

воевать со всем светом... Надо на кого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать; если я разбросаюсь, у меня не хватит... того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Для того, чтобы ее удержать, надо брать тут же на месте людей и хлеб... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает – живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед, – медленно, не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться...»³⁹.

Известно несколько высказываний Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство – Крым. В окружении барона знали о том, что «Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о “Земном рае”, действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим – наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков – лучший способ

---

³⁹ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 462-463.

пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база – Крым с признанным иностранцами правительством [летом 1920 г. Франция де-факто признала правительство генерала Врангеля. – Авт.], с армией, с танками и боевыми припасами»⁴⁰.

Представляется, что в глазах добровольцев Врангель в большей степени, чем Деникин, производил впечатление вождя. Так, доброволец В. Саханев вспоминал: «Доходили до нас слухи и о распри Деникина с Врангелем. К Деникину никто никогда не питал особенно нежных чувств. Им восторгались, как прекрасным оратором, помнили о его речах на Московском совещании, ценили его верность Корнилову, но он ни в ком не вызывал чувства восхищения, как вождь и военачальник. Политические его тенденции для большинства были непонятны, как непонятна была и его нерешительность в важных политических вопросах... После крушения фронта и быстрого отката от уже, казалось, столь близкой Москвы, весь ореол Деникина растаял, вера в него окончательно погасла и открыто обсуждался вопрос о том, что должен явиться его преемником. Вопрос этот обсуждался уже тогда, когда Деникин находился еще на Кубани и ничего не было известно о его намерении отказаться от командования...»⁴¹ По словам Саханева, «К армии Врангель стоял во всяком случае ближе, чем к обществу и там его больше понимали. Его ценили, как блестящего военачальника и ждали от него блестящих военных дел. Его ценили, как блестящего военачальника и ждали от него блестящих военных дел. В обществе больше интересовались тем политическим курсом, который возьмет Врангель. А он давал ответ только армии – ездил по всем частям и лично наблюдал за приведением их в порядок, но ответа обществу не давал никакого, так с никакими декларациями и речами не выступил...»⁴².

Врангель был прежде всего исключительно одаренный военный, «У него были способности настоящего вдохновенного полководца. Он мог поднять дух войск, люди шли за ним и верили ему», – писал о белом вожде

---

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Патек В. Планы правителя Крыма. Л. 6.

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 611. Саханев В. В. Некоторые моменты вооруженной борьбы с большевиками на Юге России. Л. 116-117.

⁴² Там же. Л. 126.

доброволец Ю. К. Мейер⁴³. Основой врангелевского государства была армия. Приказом от 29 апреля (12 мая) Врангель объявил все находившиеся в Крыму войска Русской армией,⁴⁴ слово «Добровольческая» было изъято из обращения. Положение, в котором находился Врангель весной 1920 года, делала реорганизацию ВСЮР безальтернативной⁴⁵. Главком был буквально вынужден пойти на системную организационную перестройку армии. Отныне в строительстве вооруженных сил торжественно провозглашался приоритет «регулярства» над «добровольчеством»: части армии должны были комплектоваться не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации⁴⁶. Вдумчивый аналитик, генерал Б. А. Штейфон, писал: «Я описываю период наступления на Москву и задаю вопрос – почему ген. Деникин, располагая территорией с 50-миллионным населением, имея несомненное (первоначально) сочувствие населения и поддержку “союзников” не только не взял Москвы, но довел до катастрофы вооруженную борьбу. Причин этому, конечно, много, но мне представляется, что центральной является то обстоятельство, что, выйдя из Донецкого бассейна, наше Главнокомандование решительно все вопросы государственного строительства, а в особенности формирование армий разрешило принципами добровольческой импровизации. Блестящий, безгранично жертвенный, но все же не более, как исторический эпизод, чем по существу и являлось добровольчество, было воспринято Деникиным, не как эпизод, а как эпоха. Добровольческая армия отказалась от регулярства, забыла весь многовековой опыт Российской империи и пошла по новым путям – самой легкомысленной импровизации. В итоге, обессиленная, растянутая на тысячу верст

---

⁴³ Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив. 1995. Вып. 6. С. 629.

⁴⁴ «Название “Добровольческая армия” как не соответствующее системе пополнения по мобилизации упразднить, а сосредоточенные в Крыму части назвать “Крымской русской армией”, – писал 8 апреля 1920 года в докладной записке на имя Врангеля начальник его штаба генерал П. С. Махров. «Просто “Русская”, – такая красноречивая помета была оставлена бароном на предложении Махрова. (См.: Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России / Под общ. ред. Н. Н. Рутыча и К. В. Махрова; вступ. статья Н. Н. Рутыча. СПб., 1994. С. 291.).

⁴⁵ Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012. С. 489.

⁴⁶ Там же. С. 492-493.

многочисленная армия, к периоду решительного столкновения уже не имела возможность сделать последний, победный скачок. Добровольчество было уместно и жизненно в провинциальных условиях Кубани. Для решения же государственных задач требовалось регулярство, т. е. не импровизация, а система»⁴⁷. Врангель, пусть и запоздало, попытался заменить «импровизацию» «системой».

От природы Врангель, по-видимому, был наделен и способностями политика. По убеждению генерала М. Георгиевича, «если бы ему посчастливилось дойти до Москвы, то он в ней удержался бы и замирил нашу Родину... Талант организатора и политика, обнаруженный им за рубежом, был воистину потрясающий – далеко выше чисто военных его дарований...»⁴⁸.

Не обладая никаким опытом политической деятельности, барону удалось достичь заметных успехов и в деле мирного строительства на территории Крыма, и на дипломатическом поприще. В июле-августе 1920 г. Врангелю удалось заручиться предварительным согласием правительства Великобритании на оказание помощи Русской армии, а также добиться признания Францией врангелевского правительства «фактическим правительством Южной России»⁴⁹.

Врангель пришел на свой пост с полным осознанием необходимости не повторять тех ошибок, которые были сделаны Деникиным. Не знаю, можно ли согласиться с мнением современных историков о том, что «Врангель был единственным из вождей белого движения, кто, взяв власть, имел уже четкую программу действий на ближайшее будущее, причем программу развернутую, охватывающую все стороны жизни».⁵⁰ Скорее Врангель видел очевидные ошибки Деникина, и пытался найти верное решение задачи. Необходимо было иначе, чем Деникин, решить те вопросы, которые были главными: отношение правительства к аграрному вопросу, отношение его к окраинным новообразованиям, вопрос о

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 34. Письмо Штейфона А. А. Лампе от 12 апреля 1928. Л. 91-92.

⁴⁸ Георгиевич М. М. Свет и тени: Первая Мировая война. Добровольческая армия. Воспоминания. Сидней, 1968. С. 66.

⁴⁹ Бортневский В. Г. Правитель Юга России // Белое дело. Люди и события. СПб., 1993. С. 40.

⁵⁰ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 267.

политическом устройстве России после ее очищения от большевиков и, наконец, необходимо было создать, как сказали бы сейчас, привлекательный «имидж» армии в глазах населения.

Ключевой фигурой в правительстве генерала Врангеля стал убежденный монархист А. В. Кривошеин, в свое время бывший ближайшим сотрудником П. А. Столыпина в деле проведения земельной реформы. Кривошеин был человеком колоссального ума и огромного политического опыта, прагматик до мозга костей. Можно утверждать, что он имел очень серьезное влияние на Главнокомандующего. В начале июня 1920 г. Кривошеин был назначен помощником Врангеля, т. е. фактически первым лицом в Крыму после самого барона. Вдвоем Врангель и Кривошеин безусловно дополняли друг друга. Спустя несколько дней после эвакуации Врангель особым приказом по армии принес «горячую признательность Помощнику моему А. В. Кривошеину за его самоотверженные труды в Крыму и за дорогую для меня готовность идти при всех обстоятельствах руку об руку со мною, в дальнейшей общей борьбе за Русскую государственность и культуру»⁵¹. П. Б. Струве был назначен Врангелем начальником Управления иностранных сношений, в правительстве также на ведущих ролях находились С. Д. Тверской, Г. В. Глинка, М. В. Бернацкий, Н. В. Савич и Е. К. Климович.

Политику Врангеля нередко называют, вслед за П. Б. Струве, «левой политикой правыми руками», самому же Врангелю приписывают слова, характеризующие эту политику – «хоть с чертом, но против большевиков»⁵².

Врангель, несомненно, был убежденным монархистом, но считал преждевременным выставление какого-либо партийного лозунга. В одной из бесед Петр Николаевич заявил: «Я с самого начала решил подчеркнуть, что вопрос о будущей форме правления должен подлежать решению самого русского народа. Я лишь обязан обеспечить ему возможность установления того государственного строя, который он пожелает. С той минуты, когда волей судьбы я стал во главе русской

---

⁵¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 385. Л. 1.

⁵² Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 45.

власти, я отрешился совершенно от своих личных политических симпатий и решил призвать к работе всех русских людей без различий политических убеждений, всех тех, кто искренне пожелал бы помочь мне свергнуть большевистское иго. И я неоднократно предлагал людям самых разнообразных политических партий работать со мной...»⁵³.

В том же духе было выдержано и известное политическое воззвание генерала Врангеля к населению, опубликованное 20 мая 1920 г.:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель»⁵⁴.

Употребление выражения «Хозяин» вызвало целый шквал критики: многие тут усматривали не только желание Врангеля реставрировать монархию, но и желание самому стать «Петром Четвертым».

Буквально через несколько дней после крымской эвакуации Кривошеин заявил, что «по существу говоря, мы действительно проводили в жизнь демократические реформы... Отвечали ли мы желаниям населения? О, да! На это у меня имеются объективные доказательства. Я присутствовал при различных эвакуациях, но никогда не видел, чтобы население сопровождало отходящую Добровольческую армию с таким выражением любви и дружбы, как это имело место в Крыму»⁵⁵.

---

⁵³ Раковский Г. Н. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 31.

⁵⁴ Росс Н. Г. Указ. соч. С. 53-54.

⁵⁵ У А. В. Кривошеина // Общее дело. Париж. 1920. 1 декабря.

По справедливому замечанию В. Ж. Цветкова, главным во всей внутренней жизни Крыма в 1920 году стала аграрная политика, рассчитанная на создание новой социальной базы Белого движения и привлечение на свою сторону широких слоев русского крестьянства.⁵⁶ Разработанный специальной комиссией, проект после доработок был утвержден 25 мая 1920 г. и опубликован в качестве приказа Главнокомандующего. Радикального решения земельного вопроса врангелевский проект не предусматривал. Принятые положения предполагали, что отчуждению подлежит вся сдававшаяся в аренду земля, а также площади, превышавшие установленную для каждого района максимальную норму. Не подлежали изъятию наделные земли; участки, выделенные на хутора и отруба; купленные при содействии Крестьянского банка; церковные земли; усадьбы; земля, принадлежащая учебным заведениям, а также высококультурные хозяйства. Отчуждаемые земли должны были распределяться между крестьянами и закрепляться в частную собственность купчими актами. В приказе Врангеля фактически происходило узаконение захвата частновладельческих земель после 1917 года. Специальным распоряжением Врангеля помещикам было запрещено возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где они находились. Передачу выкупа бывшим владельцам государство брало на себя. «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты (деньгами или натурой) государству «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района»⁵⁷.

Действительно, аграрную реформу Врангеля можно считать шагом вперед по сравнению с земельным законодательством Деникина. Однако, серьезного результата она принести не успела – деревня в массе своей выжидала, не слишком веря в успех белых и долговечность врангелевского режима.

---

⁵⁶ *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель // Белое движение. Исторические портреты. М., 2006. С. 367-368.

⁵⁷ *Там же.* С. 369.

Огромным значением обладали предпринимаемые Врангелем начиная с конца мая 1920 г. наступательные операции: барон стремился вырваться из «крымской бутылки» на материк и обрести новую базу. Однако, первоначальный успех, достигнутый белыми войсками в Северной Таврии, развить не удалось: последующие десанты оказались неудачными; Врангель, очевидно, переоценил контрреволюционность донского и кубанского казачества и степень их непримиримости по отношению к Советской власти. Организация десантов также была, по некоторым свидетельствам, не на высшем уровне, командиры частей не всегда понимали поставленную перед ними задачу, да и сам барон, видимо, не сумел проявить в этих операциях весь свой талант полководца. В результате к началу осени 1920 г. армия была уже в значительной степени обескровлена. Неудача десантов надломила белых: в армейской среде в открытую заговорили о том, что теперь Русской армии остается лишь дожидаться своей очереди – после того, как «замирятся» Польша и Советская Россия.

Роковым событием для судьбы Белого Крыма стало подписание в сентябре 1920 предварительных условий мира между Польшей и Советской Россией: ведь говоря объективно, шанс на продолжение борьбы врангелевцам подарила Польша, война которой с Советской Россией привела к тому, что неизбежная капитуляция белого Крыма, во многом предопределенная самим соотношением сил, была отложена на несколько месяцев; в свою очередь, в окружении Врангеля все понимали, что лишь продолжение советско-польской «кадрили» является гарантией удержания в руках белых Крыма. Теперь же все было кончено: советско-польская война была завершена, и большевики теперь могли бросить все силы на уничтожение армии Врангеля. Прекрасно понимая это, Врангель в конце октября отдает секретный приказ о начале подготовки эвакуации⁵⁸. К чести Врангеля нужно сказать, что эвакуация была проведена образцово, не идя ни в какое сравнение с паникой и хаосом, царившим в Новороссийске в последние дни власти Деникина. Только

---

⁵⁸ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. С. 76.

после того как все военнослужащие были погружены на корабли, и в Севастополе не осталось больше ни одной военной части, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 г. генерал Врангель прибыл на крейсер «Генерал Корнилов» в сопровождении чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря⁵⁹. Всего из Крыма эвакуировалось 145693 человека, из которых около 70 тысяч составляли чины армии. Белая борьба на Юге России потерпела окончательное поражение.

В чем же феномен врангелевского Крыма? На взгляд автора этих строк, именно в короткие месяцы 1920 года, предшествующие окончательному поражению, в полной мере выявилась уникальность и альтернативность белого пути: Врангелю удалось показать, что Белое дело не сводилось исключительно к военному аспекту противоборства с красными; задавшись целью переориентироваться с военной стороны борьбы на идеологическую и государственно-созидательную, врангелевцы доказали, что опыт Белой России не сводится лишь к отрицанию Октября. В известной степени, можно утверждать, что феномен врангелевского Крыма – это один из последних примеров реализации национальной русской утопии в XX веке, причем с уверенностью в своей правоте, даже когда неудачный исход противостояния с большевиками был очевиден. Врангелевский Крым чем-то напоминал публику на "Титанике" после столкновения с айсбергом – одни продолжали веселиться, другие вспоминали о прошлой жизни, третьи невозмутимо продолжали заниматься своими делами, и лишь малая часть пыталась исправить случившееся. Большинство из них нашли свою смерть не в бою и не в большевистских застенках, а на Чужбине, где они могли с ностальгией вспоминать про достижения 1920 года. И действительно: в Крыму при Врангеле процветали наука и культура, была возрождена боеспособность армии, Правительство Юга России демонстрировало впечатляющую внешнеполитическую активность, выступая в качестве заметного, хотя и не равноправного игрока, на арене борьбы Польши и Советской России, участвовало в

---

⁵⁹ Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 102.

переговорах с Францией и добилось на них известного успеха. Врангелем была скорректирована национальная политика Деникина, предпринимались серьезные усилия по разработке привлекательного для крепкого крестьянства земельного законодательства; в этом плане, что удивительно, врангелевскому Крыму, несмотря на всю ограниченность своей территории, удалось в какой-то степени вырваться из той матрицы «армия=государство», которая сковывала все устремления Деникина.

Масштабность фигуры Врангеля, оказавшегося не только талантливым полководцем, но и даровитым политиком, неопровержимо свидетельствовала о том, что Белое дело не сводилось только к войне с большевиками, а представляло собой наиболее вероятный – альтернативный ленинскому – путь развития страны. К несчастью для белых они обратили свои взоры именно на политику, а не на войну, слишком поздно – прежде значения политики они не понимали, отождествляя войну гражданскую с войнами межгосударственными, в то время когда борьба лозунгов в том же самом кульминационном для итогов борьбы белых и красных 1919 году играла первенствующую роль; белые же от нее едва ли не намеренно уклонились, надеясь выиграть Гражданскую войну «вчистую» – только на полях сражений; когда же наступило прозрение – ко времени Врангеля – военный фактор играл уже определяющую роль, соотношение сил было настолько не в пользу «русской Вандеи», что обреченность белых на поражение была уже понятной – и для вождей, и для рядовых участников борьбы. Вместе с тем, подчеркнем, врангелевская эпопея не была малозначимым эпизодом в истории южнорусского Белого движения: по своей драматургии, количеству событий, замыслов – как реализованных, так нереализованных, успехов и провалов, время «черного барона» сопоставимо с двумя первыми годами борьбы на Юге – семь с небольшим месяцев 1920 года значили для Белого дела не меньше, чем вся эпоха Алексея-Корнилова-Деникина.

Символично, что одна из лучших за все время Гражданской войны – едва ли не безупречная в военном отношении – операция Красной армии – прорыв Перекопа, напоминавшая о лучших традициях русского

полководческого искусства, была в какой-то мере дополнена столь же безупречно проведенной силами славного русского Черноморского флота эвакуацией потерпевших поражение белогвардейцев и пожелавших к ним присоединиться представителей гражданского населения Крыма. И белые, и красные в этой войне были достойны победы. Жаль только, что воевали они друг против друга.